

Полученные результаты представлены в Таблице 1.

	Количество испытуемых	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
4-летние дети	16	89%	93%	53%	60%	45%
5-летние дети	18	94%	96%	73%	71%	47%
Дети: сводная	34	91%	95%	64%	66%	46%
Контроль	26	100%	100%	100%	97%	78%

Таблица 1. Количество правильных ответов, % (курсивом выделены показатели случайных ответов).

В ходе сопоставительного анализа результатов было выявлено следующее:

- Дети в целом лучше справляются с интерпретацией личных местоимений в простых переходных предложениях, чем в предложениях с деепричастием (критерий Уилкоксона: $Z = -4.605$; $p < 0.001$), что может быть интерпретировано с позиции теории *Primitives of Binding* (Reuland, 2001), согласно которой конструкции (1) и (3) подчиняются разным синтаксическим правилам. При этом предложения с деепричастием сами по себе не вызывают трудностей у детей, о чем говорят 95% правильных ответов по предложениям с возвратным местоимением (2).

- Референциальная компетенция пятилетних детей позволяет им в целом успешно справляться с интерпретацией личного местоимения в предложениях с деепричастным оборотом (3), в то время как четырехлетние дети дают ответы на случайном уровне (биномиальный тест, $p = 0.550$).

- Установлена корреляция между успешностью интерпретации личных местоимений в переходных предложениях (1) и предложениях с параллелизмом с местоимением-подлежащим (4), что подтверждает необходимость владения синтаксическими правилами референции для успешного применения правила параллелизма (коэффициент корреляции Спирмена: 0,449; $p = 0.003$).

- Правило параллелизма в русском языке при базовом порядке слов строго соблюдается только в предложениях с местоимением-подлежа-

щим (4), в то время как в предложениях с местоимением-дополнением (5) взрослые носители языка подчиняются структурному параллелизму лишь в 78% случаев. Дети же и вовсе не используют никакие правила в (5), давая ответы на случайном уровне (биномиальный тест, $p = 0.102$). Одним из объяснений подобного эффекта может стать конкуренция между двумя стратегиями: стратегией предпочтения подлежащего и принципом параллелизма. Не зная, какая стратегия является предпочтительной в данном случае, дети дают ответы на случайном уровне.

- Полученные нами данные в целом совпадают с результатами экспериментов с детьми — носителями нидерландского, итальянского и испанского языков (Zuckerman et al. 2002; Ruijgendijk et al. 2011), что говорит об универсальности принципов местоименной референции.

Выполнено при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00382 и гранта СПбГУ: Когнитивные механизмы преодоления информационной многозначности (СПбГУ, мероприятие 2)

Reuland E. 2001. Primitives of binding // *Linguistic Inquiry* 32, 439–392.

Ruijgendijk E., Baauw S., Zucherman S., Vasić N., de Lange J., Avrutin S. 2011. A cross-linguistic study on the interpretation of pronouns by children and agrammatic speakers: Evidence from Dutch, Spanish and Italian. In: E. Gibson and N.J. Pearlmuter (Eds.) *The Processing and Acquisition of Reference*. Cambridge MA / London: MIT Press.

Zuckerman, S., Vasic, N., Avrutin, S. 2002. The Syntax-Discourse Interface and the Interpretation of Pronominals by Dutch-Speaking Children. In S.F.B. Skarabela, BUCLD 26: Proceedings of the 26th annual conference on language acquisition and development (pp. 781–792). Somerville: Cascadilla Press.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНАЯ СИЛА КОНТЕКСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

О. В. Раева, Е. И. Риехайкайнен

olgaspase@rambler.ru, reha@inbox.ru

СПбГУ (Санкт-Петербург)

Словоформы, которые тесно связаны с предшествующим контекстом или могут быть

предсказаны на его основе с высокой долей вероятности, часто выступают в речи в редуцированном виде (Jurafsky et al. 2000). Этот тезис получил название *Probabilistic Reduction Hypothesis* и был проверен, в частности, на материале американского варианта английского

языка (Gregory et al. 1999), на материале французского языка (Torreira, Ernestus 2009) и др.

В **перцептивных** исследованиях, проведенных на материале словоформ, подвергшихся редукции в естественной речи за счет выпадения одного или нескольких элементов их фонетического облика, роль контекста также признается ведущей (см., например, Ernestus et al. 2002; Риехаккайнен 2010 и др.). При этом в исследованиях, выполненных в последнее время с использованием так называемых онлайн-методик (например, регистрации движений глаз), ставится под сомнение зависимость степени редукции словоформы от предсказательной силы ближайшего контекста и постулируется, что эффективному распознаванию редуцированных единиц способствует более широкий, или дискурсивный, контекст, предсказательная сила которого может быть различной («strongly and weakly supportive contexts») (Brouwer 2010).

Для проверки предположения о влиянии предсказательной силы контекста на надежность распознавания редуцированных словоформ на материале русского языка из записей звучащей русской речи, расшифровки которых размещены на сайте Корпуса русского литературного языка (URL: <http://www.narusco.ru/>; раздел «Речевой корпус»), были отобраны 20 фраз, содержащих словоформы с высокой степенью редукции (например, *опять же имеющих проблемы социальной реабилитации* [apʲe+ɫʲ zʲimʲi+ɕex problʲe+m s:anɐ+ ʲebʲɔʲlʲeta+ɕe]). В эксперименте, в ходе которого необходимо было прослушать данные фразы и записать их в орфографии, у испытуемых в большинстве случаев не возникло проблем с интерпретацией услышанного (даже несмотря на то, что контекст в ряде случаев был ограничен синтагмой) (подробнее об этом см. в: (Raeva 2013)).

На следующем этапе исследования для оценки предсказательной силы контекста был проведен эксперимент в письменной форме, стимулами в котором являлись орфографические расшифровки всех 20 фрагментов спонтанной речи из перцептивного эксперимента с пропуском на месте сильно редуцированной словоформы, например:

когда _____ очень маленькую зарплату для речевого фрагмента когда получает очень маленькую зарплату, имеющего следующую акустическую реализацию: [kagda+ buɕe+ʈ

oʲ+ʈɕinʲ ma+ʲenʲku zarpla+tu]. Двадцати участникам эксперимента предлагалось заполнить пропуски.

Полученные результаты не позволяют сделать вывод о высокой предсказательной силе всех представленных в эксперименте контекстов: для семнадцати стимулов преобладают варианты ответов, не совпадающие с исходной лексической единицей. В эксперименте по восприятию речевых фрагментов на слух в ответах на каждый из стимулов количество **различных словоформ** варьируется от 1 до 5, в письменном эксперименте — от 3 до 14. Однако экспериментальные данные указывают на то, что предложенный объем контекста помогает испытуемым верно определить грамматические признаки пропущенной единицы или лексико-семантическое поле, к которому она относится. Например, для стимула *я хочу _____ одну очень вещь простую* с пропущенным инфинитивом *сказать* были получены такие ответы, как *понять*, *купить*, *спросить* и др.

И лексические, и грамматические характеристики пропущенного элемента восстанавливаются только в том случае, когда редуцированная словоформа входит в устойчивую (т.е. часто воспроизводимую) конструкцию (например, *кажется* во фразе *мне кажется [ka+su] что здесь должно быть сплавлено*), но такие примеры в рассмотренном нами материале единичны.

Таким образом, результаты описанного эксперимента не позволяют говорить о том, что словоформы с высокой степенью редукции в русской спонтанной речи появляются только в контексте с высокой предсказательной силой и только в таком контексте могут быть распознаны слушающими надежно. Влияние контекста заключается в существенном уменьшении количества потенциально возможных единиц в конкретном лексико-грамматическом окружении, из ряда которых итоговый вариант в процессе восприятия речи может выбираться, на наш взгляд, с учетом фактора частотности и, если это возможно, то и с опорой на сохранившиеся элементы фонетического облика словоформы. В какой именно момент происходит существенное сокращение количества кандидатов на распознавание, а затем и окончательное распознавание словоформы, планируется проверить на следующем этапе исследования с применением методики регистрации движения глаз (по модели, описанной в (Brouwer 2010)).

¹ Транскрипция выполнена на основе Международного фонетического алфавита; знак «+» указывает на ударность предшествующего гласного.

Выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МК-3646.2013.6, и гранта РГНФ, проект № 14-04-00586а.

Brouwer S. 2010. Processing strongly reduced words in casual speech. Wageningen, the Netherlands: Max Planck Institute for Psycholinguistics dissertation.

Ernestus M., Baayen H.R., Schreuder R. 2002. The recognition of reduced word forms. *Brain and Language* 81 (1–3), 162–173.

Gregory M.L., Raymond W.D., Bell A., Fosler-Lussier E., Jurafsky D. 1999. The effects of collocational strength and contextual predictability in lexical production. In: Chicago Linguistics Society (CLS-99). University of Chicago, 151–166.

Jurafsky D., Bell A., Gregory M., Raymond W.D. 2000. Probabilistic Relations between Words: Evidence from Reduction in Lexical Production. In: J. Bybee, P. Hopper (eds.) *Frequency and the Emergence of Linguistic Structure*. Philadelphia PA: John Benjamins, 229–254.

Raeva O. 2013. The role of grammatical and semantic context in spoken word recognition. In: Jan Heegerd and Peter Juel Henriksen (eds.) *New Perspectives on Speech in Actions*. Proceedings of the 2nd SJUSK Conference on Contemporary Speech Habits. Copenhagen Studies in Language 43. Frederiksberg: Samfundslitteratur Press. 2013, 141–152.

Torreira F., Ernestus M. 2009. Probabilistic effects on French [t] duration. In: Proceedings of the 10th Annual Conference of the International Speech Communication Association (Interspeech 2009). Causal Productions Pty Ltd, 448–451.

Риехакайнен Е.И. 2010. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. СПб.

КОНВЕРСАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ СОВМЕСТНОГО ПОСТРОЕНИЯ СМЫСЛА В ДИАЛОГЕ (НА ПРИМЕРЕ ДИЗАРТРИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

И. В. Утехин

utekhin@yandex.ru

ЕУСПб (Санкт-Петербург)

Невозможность пользоваться стандартной разборчивой устной речью не означает невозможности коммуницировать: коммуникация и с афатиками, и дизартриками возможна, при этом в диалоге взаимопонятность оказывается результатом совместной работы, результатом взаимодействия участников и ситуативной интерпретации ими действий друг друга. Предметом исследования являются разговорные ресурсы, которые используются участниками в совместной работе для построения смысла в условиях, когда один из участников не может полноценно пользоваться устной речью в силу имеющейся у него патологии.

Проанализированы видеозаписи (общей продолжительностью около 2 часов) спонтанного общения подростка, страдающего дизартрией, с матерью и другими участниками в нескольких типичных ситуациях общения. Вопросы, которые можно задавать этому материалу в рамках микросоциолингвистического подхода, касаются не природы проблем с речевым общением у дизартрика в терминах нейрофизиологии и «причин» его сложностей в общении, а того, как участники такого диалога обращаются с этими сложностями: собственно, что они делают в ситуациях, когда возникает непонимание. Какие ресурсы они привлекают, чтобы решить проблему взаимопонимания?

Разговор при дизартрии исследовался в парадигме разговорного анализа существенно меньше, чем разговор с участием людей, страдающих афатическими отклонениями (напр., Goodwin 1995). Стивен Блок (Bloch 2005) указывает на сходство разговорных механизмов, проявляющихся при афазии и при

дизартрии и, в частности, о том, каким образом партнеры дизартрика включаются в совместную деятельность по установлению и выражению смысла его высказываний. Сегодня понятно, что понятность высказывания не равна разборчивости речи и не вполне определяется ею (ср. Bloch, Wilkinson 2011). Если в анализе мы фокусируемся только на качестве сигнала или только на слушающем, то мы не сможем увидеть, что в повседневном диалоге взаимопонятность оказывается результатом совместной работы, результатом взаимодействия. В ситуации речевой патологии особенно заметно, что «понятость» или прозрачность высказывания зависит от множества факторов, в том числе от того, как высказывание связано с предыдущей репликой в диалоге.

Конversationный анализ, лежащий в основе методологии исследования, представляет собой метод эмпирического изучения наблюдаемой организации социального взаимодействия, сфокусированный на интеракционных аспектах разговора. Такой подход позволяет определить, как исследуемое разговорное взаимодействие устроено в отношении интерактивности и базовых механизмов смены очереди говорящего. Среди категорий, позволяющих анализировать действия участников разговора, посредством которых они демонстрируют друг другу понимание высказываний и свою ориентацию на построение взаимосогласованного смысла, важнейшее место принадлежит понятию «поправки» (repair). Под поправкой понимаются действия участников разговора в случаях, когда они воспринимают произнесенное, услышанное и понятое как проблему или сбой и принимают меры к восстановлению взаимосогласованного общего смысла. Наряду с описанием функционирования разных видов поправки, в докладе представлены наблюдения над «подхватом»